

Чжоо Чэнь и Чжао Синчуань спустились вслед за горничной в просторную гостиную. Комната оказалась куда уютнее и теплее, чем ожидал юноша: обилие мягких тканей скрадывало официальность, а приглушённое матовое освещение не резало глаза. Обстановку нельзя было назвать скромной, но и кричащей роскоши здесь не чувствовалось — ни малейшего намёка на безвкусное бахвальство богатством. Каждый предмет интерьера был подобран с такой заботой и любовью, что сразу становилось ясно: утончённый вкус этой семьи и их уровень жизни — планка, практически недостижимая для простых людей.

Подойдя вслед за Чжао Синчуанем к дивану, Чжоо Чэнь увидел четырёх человек. В самом центре восседала пожилая женщина — судя по всему, бабушка семейства. По правую руку от неё устроилась Линь Жофэй рядом с суровым мужчиной средних лет. Сомнений не возникло: это был его отец. Глядя на него, можно было без труда представить, как сам Синчуань будет выглядеть лет через тридцать.

Слева от старушки расположились мать и дочь. В младшей из них Чжоо Чэнь с удивлением узнал Инь Юньтин.

Сам он и бровью не повёл, решив притвориться, будто видит её впервые, но вот у Инь Юньтин самообладание явно хромало. Девчонка уставилась на него так, словно перед ней предстал выходец с того света, и злобно насупилась.

Чжоо Чэнь мысленно вздохнул. Обстановка напоминала показательный судебный процесс.

«Неужели Чжао Синчуань сейчас рухнет на колени и станет бить челом перед бабулей?»

Линь Жофэй поднялась с места, подошла к Чжоо Чэню и с улыбкой обратилась к свекрови:

— Мама, посмотри, вот он — парень нашего Синчуаня.

С этими словами она подвела молодых людей поближе и мягко усадила их на диван по правую руку от бабушки — как раз туда, где только что сидели они с мужем.

Оказавшись бок о бок с хрупкой старушкой, Чжоо Чэнь невольно напрягся. Он бросил быстрый взгляд на Чжао Синчуаня, и тот ободряюще посмотрел на него, безмолвно призывая расслабиться.

Волосы пожилой женщины были белы как лунь, но в её глазах всё ещё горел живой огонёк. Мягкая, испещрённая морщинами кожа слегка нависала над веками. Повернувшись к Чжоо Чэню, она взяла его руку в свои тёплые ладони, ласково сжала пальцы и принялась внимательно, с мягким любопытством изучать его лицо.

Затянувшаяся пауза заставила Чжоо Чэня занервничать, и он поспешил нарушить молчание:

— Здравствуйте, бабушка. Меня зовут Чжоо Чэнь.

Старушка тепло улыбнулась:

— Чэнь-Чэнь... Какое чудесное имя.

«Снова Чэнь-Чэнь... У них что, любовь к уменьшительно-ласкательным повторам передаётся по наследству?»

— Спасибо, бабушка, — Чжоо Чэнь вежливо улыбнулся.

Разговор снова завял. В комнате воцарилась тишина. Чжоо Чэнь решил не проявлять излишней инициативы — болтливость в таких делах редко доводит до добра. Он просто смиренно сидел, позволяя старушке поглаживать свои пальцы.

Кожа на его ладонях не была шёлковой, хотя сами пальцы отличались изяществом и красивой формой. Ощупав его ладонь, бабушка тихо произнесла:

— Работал на земле... натерпелся ты горя, дитятко.

Она сразу почувствовала жесткие мозоли на его ладонях — свидетельства тяжёлого крестьянского труда и долгих часов работы с инструментами.

Эти мозоли сошли бы за обычное дело, сам Чжоо Чэнь давно перестал их замечать, да и окружающим было плевать. Но когда совершенно чужая пожилая женщина вдруг проявила такую искреннюю, тёплую заботу, он растерялся. Горло перехватило от нахлынувших чувств. Это бережное, ласковое прикосновение пробудило в его душе то, чего он никогда прежде не испытывал.

Если ещё мгновение назад общество старушки казалось ему тягостной повинностью, то теперь он был готов сидеть так сколько угодно. Он закусил губу, чувствуя, как предательски защипало в носу.

Инь Юньтин, сидевшая поодаль, ядовито встала:

— Ещё бы! Он ведь из какой-то глухомани приехал, деревенщина неотёсанная. Да он даже...

Не успел Чжоо Чэнь вставить и слова, как Чжао Синчуань оборвал кузину ледяным, предостерегающим тоном:

— Юньтин!

Но девчонка не унималась:

— А что я такого сказала? Он ведь даже старшую школу не окончил!

— Хватит, — отрезал Синчуань.

Увидев, как потемнело лицо брата, кузина испуганно вздрогнула. Она уже открыла рот, чтобы огрызнуться, но мать вовремя схватила её за руку и прикрикнула:

— Совсем стыд потеряла! А ну прикуси язык!

Инь Юньтин обиженно фыркнула и отвернулась.

Бабушка лишь благодушно улыбнулась:

— Юньтин, глупенькая. Мы с твоим дедушкой тоже родом из деревни.

Инь Юньтин округлила глаза и робко пролепетала:

— Прости, бабушка... Но он ведь совсем на вас не похож.

Поймав на себе тяжёлый, осуждающий взгляд кузена, она окончательно стушевалась и замолчала.

Чжоо Чэнь искоса взглянул на Чжао Синчуаня и не сумел сдержать довольной ухмылки.

— Сколько тебе лет, дитя? — ласково спросила старушка.

— Недавно исполнился двадцать один год.

— Совсем ещё молодой... А нашему Синчуаню уже двадцать семь. Пусть заботится о тебе как следует.

Чжоо Чэнь улыбнулся:

— О, он очень обо мне заботится.

— Неужели этот лоботряс наконец-то научился ценить и оберегать близких? — добродушно поддразнила внука пожилая женщина.

Чжао Синчуань смущённо кашлянул в кулак.

Чжоо Чэню стоило колоссальных усилий не расхохотаться в голос.

Наконец, вдоволь нагладив ладонь Чжоо Чэня, бабушка переключила внимание на внука. Она потянула к себе руку Чжао Синчуаня. Тот послушно подался навстречу. Из-за того, что их разделял Чжоо Чэнь, Синчуаню пришлось неловко согнуться, но на его лице не отразилось ни тени недовольства — подобное обращение для него явно было привычным делом.

Вдруг старушка соединила их ладони, крепко переплетя их пальцы.

Обоих словно пронзило разрядом тока. Они замерли и, словно сговорившись, упорно отводили друг от друга взгляды.

К счастью, эта неловкая сцена продлилась недолго — вошедшая горничная пригласила всех к обеденному столу.

За обедом атмосфера стала посвободнее. Члены семьи неторопливо беседовали о повседневных мелочах. Инь Юньтин, продолжая дуться, за весь обед не проронила ни слова, лишь время от времени награждала Чжоо Чэня испепеляющими взглядами. Самому же юноше пришлось подавить зверский аппетит и есть маленькими, аккуратными порциями. Роскошные блюда казались пресными — все его силы уходили на то, чтобы благопристойно и вежливо отвечать на бесконечные расспросы родственников Синчуаня.

Разумеется, разговор зашёл и о его семье.

— Мои родители живут в родных краях, а я перебрался в город, чтобы приглядывать за младшим братом — он сейчас учится в университете, — Чжоо Чэнь симулировал крайнюю застенчивость, скромно потупив взор. — У них всё замечательно. Они живут душа в душу, совсем как вы с дядей.

При этих словах обычно суровый и молчаливый отец Синчуаня мягко взглянул на сияющую Линь Жофэй и едва заметно, но бесконечно нежно улыбнулся.

Мать Инь Юньтин тоже посмотрела на супругов, и в её глазах промелькнула затаённая тоска — лёгкая зависть к чужому семейному счастью.

После обеда, когда все темы для разговоров были исчерпаны, бабушка окончательно утомилась и отправилась отдыхать. Перед уходом она никак не хотела отпускать Чжоо Чэня, пока тот не пообещал навещать её при первой же возможности.

Семейное сборище подошло к концу. Поднявшись обратно на третий этаж, Чжоо Чэнь и Чжао Синчуань вновь остались наедине. Юноша выглядел задумчивым и слегка отрешённым.

— Ну что, наелся? — с усмешкой поинтересовался Чжао Синчуань.

Чжоо Чэнь закатил глаза и буркнул:

— Издеваешься? Ни капельки.

За время этого обеда он отчётливо осознал лишь одно.

Чжао Синчуань был чертовски, невысказанно счастлив. Родился с золотой ложкой во рту, вырос в атмосфере любви, гармонии и уважения, окружённый заботой любящих родителей и мудрых старших. Именно этот благодатный оазис и вылепил из него того уверенного, благородного человека, каким он являлся сейчас. И совершенно естественно, что такой мужчина искал для себя партнёра под стать — искреннего и чистого, способного повторить идеальный союз его родителей.

Окинув взглядом просторную комнату Синчуаня, буквально пропитанную родительским теплом и уютом, Чжоо Чэнь почувствовал, как внутри закипает глухое раздражение. Ему безумно захотелось немедленно убраться отсюда подальше.

Синчуань собирался что-то ответить, но в этот момент в его кармане зазвонил телефон. Он взглянул на экран и повернулся к Чжоо Чэню:

— Слушай, ты ведь хотел взглянуть на коллекционные альбомы Лесли Чуна? Они где-то здесь, на этаже, поищи пока. Мне нужно спуститься к отцу, обсудить пару вопросов. Скоро буду.

«Что за тон? словно капризного ребёнка пытается занять погремушкой».

— Иди-иди, без проблем, — вслух лишь равнодушно бросил Чжоо Чэнь.

Спустившись на первый этаж, Синчуань столкнулся с Инь Юньтин, которая как раз собиралась уходить. Он преградил ей путь:

— Откуда у тебя сведения о нём? И где вы вообще пересеклись?

Инь Юньтин попыталась было увильнуть от ответа, но под строгим взглядом кузена сдалась и неохотно выложила всё, что стряслось тогда в студенческой столовой.

— Я знала, что сестра Жунжун с ним знакома, вот и заглянула тайком в её рабочие документы. Честное слово, я сама подсмотрела, сестра Жунжун тут ни при чём! — тут она вспомнила Чжоо Чэня, и её лицо вновь исказилось от злости. — И вообще, сам виноват! Кто просил его так со мной разговаривать? Братец, ну зачем он тебе сдался? Обычный кабацкий певец, что в нём хорошего?

Чжао Синчуань нахмурился. Он всё ещё переваривал известие о том, что Фан Юйхуа взял Чжоо Чэня в ученики. Почему-то тот факт, что он узнал об этом от постороннего человека, оставил в его душе горький осадок.

— Зачем тебе понадобилось копаться в его личном деле?

— Из любопытства, хотела узнать, что он за фрукт, — упрямо буркнула девчонка. — Братец, он скользкий тип. Смотри, как бы он тебя вокруг пальца не обвёл.

Синчуань усмехнулся:

— Осадил тебя разок — и сразу злодей? И ради этой мелкой обиды ты устроила сцену перед бабушкой? Ведёшь себя хуже капризного ребёнка. Напрочь лишена манер.

Инь Юньтин густо покраснела. На секунду её упрямство дало трещину, и она всерьёз задумалась, не перегнула ли палку со своей мелочностью. В конце концов она выдавила:

— Ну ладно... В следующий раз извинюсь перед ним.

Синчуань направился в кабинет отца, где застал обоих родителей. Оказавшись в кругу самых близких, он мгновенно сбросил маску солидности, вальяжно опустился на диван и, закинув ногу на ногу, небрежно спросил:

— Ну, о чём хотели поговорить?

Линь Жофэй подошла к сыну и протянула ему небольшой чёрный футляр из тиснёной кожи:

— Бабушка просила передать Чжоо Чэню.

Синчуань опешил:

— Что это?

Он потянулся было открыть коробку, но мать мягко, но решительно перехватила его руку.

— Это не для твоих глаз, — строго осадил его Линь Жофэй.

— Скажи мне, — раздался из-за письменного стола глубокий голос отца, — у вас с этим мальчиком всё серьёзно? Или это фальшивка?

Синчуань резко вскинул голову. Сердце предательски заколотилось где-то в горле. С трудом сглотнув, он выдавил:

— Ну... можно сказать, что да. Серьёзно.

— В чувствах нет места полутонам, — сурово возразил отец. — Либо да, либо нет. Что ещё за «можно сказать»?

— Папа, мы ведь знакомы без году неделя, — взмолился Синчуань, капитулируя перед напором.

Линь Жофэй мягко перебила его:

— И всё же, что ты к нему испытываешь?

Синчуань неловко потер затылок:

— Всё слишком сложно.

Чжоо Чэнь был соткан из противоречий. Казалось, он обладал тысячей разных масок, и понять, какое лицо настоящее, было решительно невозможно. Эта непостижимость окутывала его шлейфом тайны — манящей, опасной и будоражащей кровь. Она заставляла сердце Синчуаня биться в каком-то лихорадочном ритме.

— Ну, в дела сердечные мы лезть не станем, — примирительно подытожил отец. — Ты взрослый парень, сам во всём разберёшься.

Синчуань облегчённо выдохнул, но не удержался от ворчания:

— Ещё бы, мне ведь не пятнадцать лет.

— А вот бабушке он пришёлся по душе, — с улыбкой заметила мать.

Синчуань с любопытством прищурился:

— А вам самим-то он как?

Линь Жофэй лукаво сощурилась:

— Милый, ну а кому не понравится такой очаровательный юноша? Да ещё и с такой

безупречной внешностью.

Синчуань скептически хмыкнул. При воспоминании о том, каким пронзительным и дерзким бывал взгляд Чжоо Чэня наедине, внизу живота сладко потянуло, а мысли пустились вскачь. Смутившись собственного внезапного возбуждения, он поспешно поднялся на ноги.

Уже у самой двери он притормозил и, приподняв кожаный футляр, спросил:

— Так мне отдать ему это?

— Решай сам, — мягко ответила Линь Жофэй.

Когда за сыном закрылась дверь, она опустилась на диван и негромко вздохнула:

— Знаешь... Мне кажется, Чжоо Чэнь в тысячу раз лучше, чем этот Цзян Минъи.

Вернувшись на третий этаж, Синчуань застал Чжоо Чэня спящим. Тот безмятежно лежал на кровати, его дыхание было глубоким и размеренным.

Синчуань бесшумно опустился на корточки у постели и принялся вглядываться в благородные, утончённые черты его лица. Перед этой красотой было невозможно устоять. Сейчас, в минуты покоя, Чжоо Чэнь казался удивительно хрупким, а на его лице проступила едва уловимая, светлая грусть. Длинные тёмные ресницы мягким веером лежали на веках, слегка изогнувшись у самых кончиков.

Вдруг Чжоо Чэнь распахнул глаза. Обнаружив, что Синчуань сидит совсем рядом и безотрывно смотрит на него, он сладко потянулся и лениво пробормотал:

— Извращенец. Подглядываешь?

Щёки Синчуаня мгновенно обдало жаром. Он поспешно поднялся на ноги и сухо скомандовал:

— Собирайся. Поехали.

Чжоо Чэнь мигом соскочил с постели:

— Отвези меня на улицу Цинси, ладно? Мне пора на работу.

Машина бесшумно скользнула сквозь автоматически распахнувшиеся ворота усадьбы. Чжоо Чэнь задумчиво наблюдал в зеркало заднего вида, как величественное поместье скрывается за поворотом.

— Господин Чжао, у вас потрясающий дом.

— Старое здание прошлого века. Его не раз реставрировали.

Чжоо Чэнь потерял ремень безопасности на груди:

— Я не про кирпичи и стены. Я про вашу семью. Тот, кто станет твоим супругом, будет по-настоящему счастлив.

В его голосе прозвучала такая щемящая грусть, а взгляд оставался прикованным к убегающему за окно пейзажу, что у Синчуаня болезненно сжалось сердце. Он прекрасно понимал, что Чжоо Чэнь солгал за обедом, расписывая идиллию своих родителей. Ни один любящий отец или мать не заставят старшего сына расплачиваться по долгам младшего.

Синчуань вытащил из кармана небольшой кожаный футляр и протянул юноше:

— Возьми. Это тебе от бабушки.

Глаза Чжоо Чэня удивлённо блеснули. Он нерешительно принял подарок:

— О боже... Только не говори, что это какая-нибудь семейная реликвия, передающаяся из поколения в поколение.

Синчуань негромко рассмеялся:

— Расслабься, у нас нет фамильных сокровищ.

Слегка успокоившись, Чжоо Чэнь осторожно приоткрыл крышку футляра и тут же выдохнул:

— Твою же мать... Нефрит! И ты ещё утверждаешь, что это обычная безделушка?

Он бережно извлёк украшение наружу и положил на ладонь. Это была прямоугольная пластина из чистейшего нефрита шириной в три пальца. На её гладкой поверхности красовались аккуратно вырезанные иероглифы: «Мир и покой».

— Хм, где-то я такое уже видел... — задумчиво пробормотал Чжоо Чэнь.

Синчуань смущённо кашлянул:

— У меня вторая часть.

На его собственной пластине было выгравировано: «Благополучие».

Он прекрасно знал, что изначально эти две подвески составляли единое целое. Эта мысль заставляла его чувствовать себя неловко, но, к счастью, Чжоо Чэнь даже не догадывался о скрытом смысле подарка.

Перед глазами Чжоо Чэня снова возникло доброе, испещрённое морщинами лицо старушки. Поняв, сколько искренней надежды и тепла она вложила в этот жест, он почувствовал, как прохладный камень буквально обжигает ладонь.

— Я не могу это взять.

— Почему? — искренне удивился Синчуань.

Этот парень всегда трясся над каждой копеечкой, так с чего вдруг он отказывается от столь дорогой, роскошной вещи?

Чжоо Чэнь бережно уложил нефрит обратно в бархатное ложе футляра и захлопнул крышку:

— Не могу, и всё.

Он не имел права обманывать пожилую женщину, которая отнеслась к нему с такой чистой душой. Между ним и Чжао Синчуанем не было и никогда не будет той красивой, чистой любви, о которой она мечтала.

Он просто не мог принять столь щедрое благословение.

<http://bllate.org/book/18248/1749967>